

Ален де Бенуа

АКТУАЛЬНОСТЬ КАРЛА ШМИТТА

Опубликовано Sezession № 42 в июне 2011 года

<http://www.sezession.de/28209/die-aktualitat-carl-schmitts.html>

Масса исследований о Карле Шмитте похожа на растущий прилив, ломающий любые дамбы и заливающий все территории. Когда в 1985 году Карл Шмитт умер, ему было посвящено едва ли 60 книг. Сейчас их уже 430. Одновременно по всему миру растет количество переводов его произведений. В настоящее время полное собрание сочинений Шмитта выходит даже в Пекине. И за три последних года коллоквиумы, посвященные его жизни и творчеству, проходили по очереди в Лос-Анджелесе, в Бело Оризонте (Бразилия), в Бейра Интериор (Португалия) и в Варшаве, в Буэнос-Айресе, во Флоренции и в Кракове. Можно без преувеличения говорить о ренессансе теорий Карла Шмитта. Но с какими последствиями?

Сначала нужно указать на аспект актуальности. Точнее говоря, на то, что мышление Шмитта дает нам схему для анализа и интерпретации, ценность которой вви-

ду определенных событий и мрачных тенденций в нынешнем мире, снова раз за разом доказывается. В этом отношении, прежде всего, внимание наблюдателей привлекают три комплекса тем: развитие терроризма, введение чрезвычайных законов, чтобы справиться с этим феноменом, и, наконец, эволюция войны, которая совпадает с радикальной трансформацией международного права.

В своей теории партизана Шмитт анализирует тип иррегулярного комбатанта, который противостоит легальности высших властей с помощью новых форм борьбы, которые он, исходя из обстоятельств, рассматривает как законные. Партизанская война - иногда также называемая «малой войной» - не прекратила совершенствоваться с девятнадцатого века, когда вспыхнули народные восстания против войск Наполеона, прежде всего, в Германии и Испании. Век деколонизации привел к увеличению партизанских войн. Сегодня эти асимметричные войны стали правилом. Основные действующие лица конфликтов, которые происходят в мире, - это уже не только государства, а «инфрагосударственные» или «парагосударственные» подразделения, участники которых не носят военную форму. И если государства во все времена обзывали партизан «террористами», то сегодня именно террорист продолжает традицию партизанской войны.

Различие между старыми и новыми партизанами тесно связано с глобализацией. И терроризм также потерял прочную привязку к определенному месту на земле. Карл Шмитт приписывал партизану «теллурический» характер, но для террориста это больше не является обязательным. Потому что террорист уже достаточно часто действует не в пределах границ отдельного государства. Напротив, «планетарный терроризм» перемещается из одной страны в другую, для него полем действия становится весь мир. Однако в остальном на террориста распространяются все те характерные признаки, которыми Шмитт характеризует партизана: иррегулярность, более интенсивные политические обязательства, ярко выраженное чувство законности, противоречащее легальности, которая воспринимается как формализованная несправедливость или беспорядок.

Шмитт пишет: «У сегодняшнего партизана стираются и пересекаются большей частью обе пары противоположностей: регулярно-иррегулярно и легально-нелегально». Далее он обращает внимание на то, что «в порочном кругу террора и контртеррора ... борьба с партизанами часто была только отражением борьбы самих партизан».

В противостоянии иррегулярности сами государства вынуждены использовать иррегулярные методы борьбы. При этом они могут действовать вопреки своим собственным законам, когда проводят чрезвычайные мероприятия, вроде тех, кото-

рые вступили в силу в США после терактов 11 сентября 2001 года (закон «Патриотический акт», создание лагеря в Гуантанамо и пр.).

Теперь известна основная роль, которую чрезвычайное положение (или случай реальной опасности – то же, что начало войны) играет в мышлении Шмитта. Чрезвычайное положение для него в политике соответствует чуду в теологии: насильственному событию, которое нарушает «законы природы». Шмитт здесь упрекает либеральных профессоров конституционного права и приверженцев юридического позитивизма в том, что они рассматривают политическую жизнь в стране только лишь как вопрос установленных конституцией норм и правил, не видя, что заранее установленные нормы не применимы к чрезвычайному положению, так как оно по самой своей природе непредсказуемо. Чрезвычайное положение столь же непредсказуемо, как и средства, которые необходимы, чтобы установить над ним контроль. Только суверенный авторитет способен на это. «Суверен – это тот, кто решает вопрос чрезвычайного положения». С другой стороны, знать, кто принимает решение в чрезвычайном случае, означает одновременно знать, кому принадлежит суверенитет.

Однако вопреки утверждениям некоторых авторов, это не делает Карла Шмитта «отцом» тех чрезвычайных мероприятий, которые в западных странах под предлогом «войны против террора» ограничивают гражданские свободы и создают контролируемое общество. Чрезвычайное положение уже по самому определению должно быть действительно исключением - а сегодня оно день ото дня становится таковым все менее.

Эволюция войны и международного права - это другая достойная рассмотрения тема. В форме «гуманитарных войн», свидетелями которых мы являемся сегодня, войны превращаются в полицейские акции, нарушающие суверенитет государств. Как показал Карл Шмитт, все традиционные различия между глубоким тылом и фронтом, комбатантом и гражданским лицом, регулярным и иррегулярным войскам, полицией и армией, внешней политикой и внутренней политикой постепенно размывались. В конце концов, в эпоху, когда «горячий мир» сменил «холодную войну», исчезает и граница между войной и миром. Если оружие молчит, то войну ведут с использованием пропаганды и «перевоспитания». При этом даже упускают из виду, что целью войны является мир.

Работы Карла Шмитта, в частности, «*Die Wendung zum diskriminierenden Kriegsbegriff*» («Поворот к дискриминирующему понятию войны», 1938), позволяют понять, что «гуманитарные войны», являющиеся дискриминирующими войнами, большей частью означают возвращение к представлению о «справедливой войне» в понимании средневековой теологии.

Чтобы урегулировать отношения между государствами, старое международное право (*ius publicum europaeum*), которое закончило религиозную войну после Вестфальского мира, понимало войну как войну, в которой за каждым участником признавалось его право: *justus hostis* (справедливый, что значит: законный враг), но не *justa causa* (справедливое дело).

Это позволяло удерживать войну в определенных рамках, из чего на самом деле также исходит и важность *jus in bello* (права на войне). Дискриминирующая война, которая позволяет возродиться «справедливой войне» средневековья, - это война, в которой эти достижения пропадают. Враг - это больше не противник, который мог бы при других обстоятельствах с такой же вероятностью оказаться союзником. Он стал абсолютным врагом. Представленный как дьявол, как преступник, как воплощение зла, он - враг человечества, которого необходимо не только разбить, но и стереть с лица земли. Вследствие этого против него можно применять любые средства - экономические санкции, бомбардировки гражданского населения и т. д., так как мирные переговоры с ним невозможны, разве только на основании безусловной капитуляции.

Шмитт показывает, что идеологические и «гуманитарные» войны нынешнего времени, которые лишают врага моральных качеств вместо того, чтобы признавать в нем противника, мотивы которого, даже ведя с ним борьбу, можно признавать, приняли эстафету от религиозных войн. Они демонстрируют точно такой же безжалостный и тотальный характер.

В своем стремлении разработать новую теорию международного права на основе «конкретного организующего мышления», Шмитт, тем не менее, не осознавал, что *ius publicum europaeum* уже нельзя было восстановить. Старый европоцентристский порядок, который основывался на чисто государственных основах, исчез. Поэтому он высказывался за «пространственную организацию» политических конфликтов, в духе старого принципа *cujus regio, ejus religio* («чья земля, того и вера»). Из этого с 1938 года выросла его теория «больших пространств», которую резко критиковали идеологи СС, в частности, Вернер Бест и Райнхард Хён. Шмитт подчеркивал, что Европу необходимо организовать как «Большое пространство» с Германской империей как его естественным геополитическим центром, и дать ей свой вариант доктрины Монро, которая позволяла Соединенным Штатам с 1823 года запрещать какое-либо чужое военное присутствие на североамериканском и южноамериканском континентах. Здесь Шмитт выступил в пользу *Pluriversum*, многополярного мира, против *Universum*, единого мира, который был бы объединен при доминировании одной единственной сверхдержавы. Эта мысль тоже является чрезвычайно актуальной альтернативой.

Его представления достигают апогея в большой книге 1950 года, *«Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum»*, («Номос земли в международном праве Европейского публичного права»), где Шмитт занимается также новым мировым порядком, который должен был последовать за разрушением «Ялтинской системы». Тот, в свою очередь, сменил в 1945 году вестфальскую модель и европоцентристский государственный порядок, развившийся после открытия Америки.

Тем не менее, некоторые авторы думают, что в произведении Карла Шмитта сохранились и другие в высшей степени актуальные соображения. Для многих «левых шмиттианцев», таких как Данило Дзоло, Шанталь Муфф, Гопал Балакришнан и еще некоторых других, самая большая заслуга Шмитта состоит в том, что он указал, что понятие «либеральной демократии» само по себе является противоречивым по определению. Враждебно настроенный к либеральной парламентской демократии, которую он, как и Доносо Кортес, возводил к «вечной дискуссии», Карл Шмитт нападал на либерализм и демократию таким путем, который мог напомнить о Руссо, в частности, об его критике представления (репрезентации).

Репрезентация, будучи, в принципе, олигархической природы, отрицает суверенитет народа. Шмитт, напротив, придерживался демократии плебисцитного типа, это значит партиципативной и прямой демократии. В демократическом обществе, писал он, решения правящих должны выражать волю управляемых. Это соответствие и есть признак демократии. Голосование (или «аккламация») является ничем иным как средством его подтверждения. Поэтому не свобода является демократическим принципом, а равенство: граждане могут иметь разные способности, но если рассматривать их как граждан, то они, с политической точки зрения, равны.

Другие, со своей стороны, полагают - и не без причины - что противоположность, которую определил Карл Шмитт между сушей и морем, также позволяет понять глубинную структуру постмодернизма, определенного Зигмунтом Бауманом как «текущая современность». В маленькой книге с заголовком *«Земля и Море»* Шмитт в 1942 году развивал диалектику теллурического и морского, производные которой расходятся широко. Политическое подразумевает границу, т.е. стоит на стороне земли. Море не знает границы, а только течения и встречные течения. Оно стоит на стороне торговли и экономики. Теллурическая логика и морская логика снова проявляются в геополитике, в многовековой дискуссии между морскими державами (вчера Великобритания, сегодня Соединенные Штаты) и континентальными державами (Европа).

И, наконец, важно подчеркнуть, что различие друга и врага, этот центральный лейтмотив мышления Шмитта, не следует сужать лишь до потенциальной угрозы. Оно обосновывает также конкретное политическое существование народа.

«Народ» подразумевает сущностное единство, которое делится таким способом, что члены политической общности, если необходимо, готовы бороться и умирать ради ее дальнейшего существования. Гражданство и политическая общность должны распаться. Конституции проистекают не из общественного договора, а из воли существующего народа также как и политической общности, выступать в качестве учредительной власти и определять конкретную форму своего коллективного существования.

Назло критике, которой он, как видно, до сих пор подвергается, именно все эти, здесь лишь кратко рассмотренные причины вполне обоснованно поднимают Карла Шмитта по оценке видных умов всех лагерей на уровень «последнего великого классика» (Бернард Вильмс), рядом с Макиавелли, Гоббсом, Локком или Руссо.

Перевод с нем.: *Виталий Крюков, 2011*

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).